Когда Цзян Шэн увидела Вэнь Чжиюня, он, казалось, испугался и закрыл лицо обеими руками, его тело слегка дрожало.

Она никогда раньше не видела такого робкого мальчика.

Цзян Шэну стало любопытно, и она подошла ещё ближе, чтобы спросить: «Кто ты? Почему ты здесь?»

Маленький мальчик не говорил.

Цзян Шэн немного подумала и дала ему оставшуюся у нее половину приготовленной на пару булочки.

Маленький мальчик соблазнился ароматом, несколько раз тяжело сглотнул и, наконец, не смог удержаться и медленно откусил.

Хоть он и был мальчиком, его поведение и манеры были более деликатными, чем у обычных девочек.

Цзян Шэн охватило любопытство и она соблазнительно сказала: «Скажи мне, кто ты, и я куплю тебе еще одну паровую булочку».

После того, как мальчик доел последний кусок приготовленной на пару булочки, он снова облизал губы и хрипло сказал: «Меня зовут Вэнь Чжиюнь».

«Моего отца и маму забрала группа плохих парней».

«Они велели мне спрятаться и сказали, что, если они не вернутся через день, я должен бежать как можно дальше один».

Вэнь Чжиюнь изо всех сил старался сдержать свою печаль, и его голос становился все тише и тише.

Цзян Шэн внезапно поняла.

Он оказался ребенком врача. Его родители, должно быть, почувствовали опасность и велели ребенку спрятаться.

Почти мгновенно Цзян Шэн почувствовала прилив амбиций в своем сердце.

Доктор был к ней добр, поэтому она хотела отплатить ему. Если с доктором что-нибудь

случится, она отплатит доктору через этого ребенка.

Без каких-либо колебаний Цзян Шэн отправила Чжэн Руцяня купить еще одну паровую булочку и отдал ее Вэнь Чжиюнь, пообещав, что они подождут с ним.

Вэнь Чжиюнь был очень благодарен и почти плакал.

Поэтому они ждали в клинике.

Они ждали от рассвета до темноты и снова от темноты до рассвета.

Цзян Шэн несколько раз пыталась бодрствовать, но так и не смогла и заснула.

Она проснулась от сдерживаемого плача, открыла глаза и увидела Вэнь Чжиюнь, стоящую на коленях перед двумя трупами.

Цзян Шэн была потрясена. Она подбежала и, как и ожидалось, увидела доктора и его жену.

Казалось, они подверглись жестоким пыткам, на их телах остались ужасающие шрамы и все было залито кровью

«Цзян Шэн, не смотри», — мягко сказал Сюй Мо, чтобы остановить ее.

Фан Хэн закрыл ей глаза рукой.

Но жестокая сцена все еще отпечаталась в глазах Цзян Шэна.

Помимо замерзания, голодания и избиения до смерти, существовал и такой жестокий способ умереть.

Сердце маленького Цзян Шэна было полностью потрясено.

«Папа, мама», — Вэнь Чжиюнь все еще громко плакал на земле, — «Что ты хочешь, чтобы Юн’эр делал без вас? Как Юн’эр может жить один?»

Сердце Цзян Шэна болело. Она подошла и потянула его за руку, прошептав: «Маленький брат, если ты не возражаешь, пойдём с нами».

Хотя они были немного бедны и обшарпаны, и у них не было денег, чтобы есть мясо.

Цзян Шэн уже решила, что, если Вэнь Чжиюнь не пожелает следовать за ними и захочет поехать к своим родственникам, она даст ему две золотые бобы и двадцать медных монет, и, наконец, призовёт его хорошо спрятать их, сохранив для своей будущей жены.

Но, к ее удивлению, Вэнь Чжиюнь на мгновение поколебался, прежде чем кивнуть.

Цзян Шэн была ошеломлена.

Разумно, она не хотела кормить еще один рот.

Но доктор был так добр, что она не могла быть бессердечной по отношению к его ребенку.

Вэнь Чжиюнь тоже был слабым, как маленькая девочка. Вероятно, он умрет в одиночестве этой холодной зимой.

«Хорошо, четвертый брат, — Цзян Шэн вздохнула, как маленький взрослый, — с этого момента мы семья».

Трупы не могли долго находиться в клинике. По предложению Сюй Мо дети вместе вырыли яму.

Цзян Шэн заплатил двадцать монет, ровно столько, сколько хватило бы на тонкий гроб.

Они не могли позволить себе надгробие, поэтому просто положили на могилу кусок дерева, на котором Сюй Мо написал имена доктора и его жены.

"Папа, мама, Юнь'эр несыновний и может оставить тебя только здесь", - Вэнь Чжиюнь трижды сильно стукнулся о землю, - "Когда я вырасту, я обязательно перевезу ваши останки и отомщу за вас".

Месть, месть.

Кто этого не хочет?

Сюй Мо опустил ресницы, чтобы скрыть свое горе.

Фан Хэн повернул голову, не желая больше смотреть.

Вернувшись в клинику, Вэнь Чжиюнь опустил голову, грустный и ошеломленный.

Цзян Шэн тоже была очень опечалена тем, что никто не смог вылечить ногу ее старшего брата.

«Нам еще нужно поехать в уезд», — сказал Чжэн Жуцянь, закусив губу.

Прежде чем Цзян Шэн успел рассказать им об огромной разнице в цене между повозкой с ослом и бортовой тележкой, Вэнь Чжиюнь, стоявший рядом с ней, пришёл в себя. «Вы хотите вылечить сломанную ногу. Я учился у своего отца в течение нескольких лет. Я едва могу это сделать, но мои навыки не так хороши, как у моего отца… возможно, вам придется терпеть некоторую боль».

Пока он говорил, его глаза снова наполнились слезами, когда он подумал о своих родителях.

Цзян Шэн быстро отвлекла его. «Это здорово. Мы не можем оставаться в этой клинике. Четвертый брат, возьми свои вещи и пойди с нами домой».

Дом?

Дом без родителей?

Вэнь Чжиюнь со слезами на лице несчастно улыбнулся. Он завернул все лекарства для Сюй Мо в масляную бумагу, пока менял шину.

Это была основа клиники и то, в чем Сюй Мо нуждался больше всего.

«Просто возьми это?» Глаза Цзян Шэна почти вылезли из орбит. — Больше ничего не взять?

Одеяла, хлопчатобумажная одежда, хлопчатобумажная обувь — все это были хорошие вещи.

— Остальное тоже возьмешь? Вэнь Чжиюнь не понимал.

Цзян Шэн закрыла ему рот и сказала ему, что они должны забрать все.

Она забрала из клиники почти всё. Если бы аптечка не была слишком тяжелой, а сломанный висок не мог вместить кровати, она бы захотела забрать все это.

Для этого Цзян Шэн арендовала еще одну бортовую тележку.

Пятеро детей с трудом вернулись к разрушенному храму. Только тогда Вэнь Чжиюнь понял, почему все нужно было упаковывать.

Кроме укрытия от ветра и дождя, в этом разрушенном храме не было ничего другого.

К счастью, вещи из клиники были вполне годны.

На соломенных циновках было расстелено несколько тонких одеял, а более толстые использовались в качестве одеял. Хлопчатобумажные туфли были немного великоваты, но их можно было носить, просто наложив еще несколько слоев ткани.

Самое главное, у них теперь было много целых горшков и мисок.

Цзян Шэн поставила маленький разбитый горшок, которым она пользовалась раньше, в угол, вынула целый большой железный горшок, взяла две пригоршни риса, добавила три половника воды и разожгла огонь, чтобы сварить кашу.

Фан Хэн и Чжэн Руцянь пошли вернуть тележку и забрали залог.

К тому времени, когда они вернулись, рис уже был полностью приготовлен и весело пузырился в большом железном котле.

Цзян Шэн достал огненную палку и затушил ее землей, затем достал чистые фарфоровые миски и зачерпнул пять полных тарелок каши.

Горячее пар хлынуло, как только оно вошло в рот, неся неповторимый аромат риса, густой вкус рисового супа, скользя по языку и, наконец, попадая в пищевод.

Цзян Шэн сделала глоток и счастливо закрыла глаза.

Но вскоре она снова вздохнула.

Раньше ей одной хватало полгорсти риса, но теперь, когда их пятеро, две горсти риса все равно нуждались в дополнительной щепотке, иначе было бы недостаточно, чтобы поесть.

Это был недостаток наличия большего количества людей.

Но когда она открыла глаза и посмотрела на четырех братьев в разных позах, сидящих в разных местах, то пишущих каллиграфически, тупых, спокойных, как сосна, то мягких и нежных, они изредка разговаривали друг с другом, а потом успокаивались. занимаясь своим делом.

Цзян Шэн была безудержно счастлива внутри.

За семь лет борьбы она встретила друзей и хотела относиться к ним как к братьям и сестрам, но вскоре они покинули ее по разным причинам.

Цзян Шэн не знала, как долго эти четыре брата смогут сопровождать ее.

Но Цзян Шэн дорожила каждым днем, проведенным со своей семьей. Для нее каждый такой дополнительный день был выигрышем.

http://tl.rulate.ru/book/104294/3702405